

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

4. M.Jastrow. The Weak and Geminative Verbs in Hebrew by Abu Zakariyya Yahyf ibn Dawud . Leyde, 1897, с.57.
5. И.М.Дьяконов. Языки Древней Передней Азии. М., 1967, с. 256; М.Н.Зислин. Абӯ-л-Фарадж Харӯн о спряжении еврейского глагола. Краткие сообщения института народов Азии. 86. М., 1965, с.164-177.
6. М.Н.Зислин. Об одной оригинальной системе грамматики еврейского языка (XI-XII вв.).- История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с. 17-31.

Г.А.Зограф

ДВА ЗАМЕЧАНИЯ К ГРАММАТИКЕ ЯЗЫКА ПАРЬЯ

Светлой памяти
Иосифа Михайловича
Оранского

Одним из самых поразительных событий в индийском языкознании послевоенных лет явилось обнаружение И.М.Оранским в начале 1950-х гг. на территории Таджикской ССР ранее неизвестного новоиндоарийского языка, который был назван им парья (по самоназванию носителей). Изучением этого языка И.М.Оранский занимался до последних дней своей жизни, именно его трудам, а также наблюдениям индолога Т.И.Оранской, продолжившей дело отца, мы обязаны всей имеющейся ныне в распоряжении науки информацией относительно парья. Предлагаемые ниже заметки основываются целиком на материале основной публикации Иосифа Михайловича, выход которой в свет уже не застал его в живых.¹ Названное издание помимо прекрасного корпуса текстов (с. 93-237) содержит полный, исчерпывающе документированный словарь к ним (с. 239-438) и очерк грамматики и лексики парья (с. 43-91). Приводимые И.М.Оранским в словаре и грамматике удачно подобранные параллели из родственных языков Индии касаются главным образом материальных соответствий. Между тем в собранном им материале можно обнаружить и любопытные системные соответствия, полезные как в плане интерпретации самих явлений, так и для уточнения типологических и генетических связей парья с родственными индийскими языками, остающихся поныне не вполне ясными (ср.И.М.Оранский, с. 43). Остановимся на двух из них.

I. Локативная форма на -а.

Формант -а истолкован И.М.Оранским как последлог, эквивалентный локативному последлогу -ма: "Последлоги -а и -ма служат показателями:

1) места действия...; 2) времени действия ...; 3) направления действия..." (с. 50). Однако сопоставление с родственными языками заставляет подозревать здесь не послелог, а рудимент старого флективного падежа - локатива. Это подозрение подкрепляется характерными ограничениями дистрибуции показателя -а - он сочетается только с исконными индийскими и несколькими обиходно важными иранскими лексемами (kar-a 'в доме', 'дома', kam-a 'на работу', rat-a 'ночью'; также dašt-a 'в степь', bazar-a 'на базар' - с. 249; единственное исключение - adres-a 'адрес' в значении прямого дополнения - сомнительно). Немногочисленные словоформы такого рода, нередко лексикализовавшиеся как наречия или послелоги (ср. в связи с этим замечание И.М.Оранского относительно отыменных послелогов, образуемых с помощью этого -а, - с. 250), наблюдаются в большинстве новоиндоарийских языков (в хинди, например, такой локатив сохранился в "нулевой" форме: ghar jānā 'идти домой', ghar rahnā 'оставаться дома').

Но особенно показательно здесь, на наш взгляд, различие в порядке следования формантов при оформлении имени местоименной энклитикой притяжательного значения: -а неизменно предшествует энклитике (hat-a-se 'в его руке', rost-a-se 'в ее чреве', kar-a-se 'в его дом' - с. 64, ср.с. 40I), тогда как -та и все другие послелоги неизменно следуют за ней (mo-se-ta 'у него во рту', havli-se-ta 'в их дворе'; ср. также beta-se-ko na 'имя его сына', kale-se-ta 'его голову', aba-se-na 'их отец' и т.п. - с. 40I). Это свидетельствует не только о непослеложной природе форманта -а, но и о том, что "выравнивания" его здесь по общему послеложному типу, как это имело место с некоторыми первоначально флективными показателями в других индоарийских языках, еще не произошло.³

2. Окончания настоящего-будущего времени.

И.М.Оранский дает следующую систему личных окончаний настоящего-будущего времени изъявительного наклонения (с.68):

	единственное число	множественное число
1-е лицо	- ũi, -ũ(n), - a _i	-a _i , -a _i
2-е лицо	- a _i	-au (-au Ńo ?)
3-е лицо	- a _i	-ī (-in') Ń ^h _i

и обращает внимание на дифтонгиальный характер большинства окончаний и на появление вспомогательного глагола-связки в формах 2-го (под вопросом) и 3-го лица множественного числа (с. 67).

Действительно, асимметрия последних двух форм бросается в глаза и наводит на размышления. Во всех родственных языках Северной Индии соответствующая парадигма представлена аналитическими формами: сочетанием причастия несовершенного вида со спрягаемыми форма-

ми глагола-связки (хинди: *māī jātā hū* 'я иду' и т.д.). В гуджарати, раджастхани и диалектах пахари причастный компонент этих аналитических форм замечен спрягаемой формой сослагательного наклонения, развившейся из старого синтетического презенса (гуджарати: *hū āvūī chū* 'я прихожу' и т.д.).

Наличие в парья наряду с $\check{\epsilon}^H$ еще одного, неспрягаемого "глагола-связки $-i$ (после гласного исхода $-\dot{i}$)" (с. 71) позволяет предположить, что приведенные выше окончания образованы сочетанием первичных (флективных) окончаний сослагательного наклонения (они в парья малоупотребительны, и полная их парадигма в доступных текстах не воспроизводится, но для наших целей достаточно и приводимого И.М.Оранским окончания 3-го л. ед.ч. $-a$, - см. с. 250) с этим вспомогательным глаголом-связкой $-i$. Функциональная равнозначность обеих связей подтверждается примером: *ō rādāī, me rādāī $\check{\epsilon}^H$* 'он падишах [и] я падишах' (с. 133).

О возможности использования связки $-i$ в аналитических формах презенса свидетельствует джайсалмерский говор марвари (диалекта раджастхани), имеющий парадигму:⁴

	единственное число	множественное число
1-е лицо	<i>hū javā-i</i>	<i>mhe javā-i</i>
2-е лицо	<i>thū javε-i</i>	<i>the javo-i</i>
3-е лицо	<i>o javε-i</i>	<i>o javε-i</i>
ср. в диалекте караути более обычные формы: ⁵		
1-е лицо	<i>mū jāū chū</i>	<i>mhe javā chā</i>
2-е лицо	<i>thu javz chz</i>	<i>the javo cho</i>
3-е лицо	<i>u javz chz</i>	<i>vz javz chz</i>

Возможность контаминации обеих форм связки в одной парадигме отнюдь не исключена. Но главным аргументом в пользу нашего предположения об аналитическом (по крайней мере по происхождению) характере рассматриваемых форм в парья служат их регулярные отрицательные корреляты, опирающиеся точно так же, как в гуджарати и раджастхани, не на спрягаемую форму значащего глагола, а на причастие несовершенного вида, например: *marē-nala yaké ya jāvāī, yaké ni jāta?* 'едет она с нами или не едет?' (ср. также: *karūī* '[я] делаю' - *ni-kartu* 'не делаю', - с. 328; *duvai* '[ты] даешь' - *deta ni* 'не даешь', - с. 286; *lagāī* 'касается', 'прилегает' - *indar āk ni-laktāī* 'дрова не разгоряются', - с. 347; *kaī $\check{\epsilon}$* '[они] едят' - *kaini ni-khāta* 'почему [вы] не едите?' - с. 344).

Таким образом и здесь типология отношений внутри микросистемы указывает наиболее вероятную этимологию составляющих ее форм, а обнаруживаемые при этом материальные соответствия дают направ-

ление поиску генетических связей.

-
1. И.М.Оранский. Фольклор и язык гиссарских парья. М., 1977 (ссылки даются на страницы).
  2. Ср.: Г.А.Зограф. Морфологический строй новых индоарийских языков. М., 1976, с. 92 (§ 80).
  3. Там же, с. 95-97 (§ 85).
  4. W.S.Allen. Notes on the Rajasthani verb.- Indian Linguistics. Vol. 21(отд. оттиск, с. 2).
  5. Там же, с. I.

И.Квонг

ВЫРАЖЕНИЕ ОБЩЕГО ВОПРОСА В ЯЗЫКЕ РОМАНА "ЖУЛИНЬ ВАЙШИ"

Язык романа "Жулинь вайши" (середина ХУШ в.) представляет собой переходную форму от среднекитайского к современному языку. Язык этого романа имеет свои особенности. В этом плане заслуживают внимания средства выражения общего вопроса.

В данной статье мы рассматриваем следующие типы вопросительных предложений: 1) предложение с альтернативным вопросом, выраженным постановкой рядом двух взаимоисключающих утверждений; 2) вопросительное предложение, в котором вопрос выражается сопоставлением утвердительной и отрицательной форм сказуемого; 3) предложение с вопросительной частицей 麼 ма в конце и 4) вопросительное предложение, на письме совпадающее с повествовательным, но отличающееся интонацией. Что же касается вопросительных предложений с вопросительными словами, т.е. вопросительными местоимениями и вопросительными местопредикативами - это частный или специальный вопрос, которого мы здесь касаться не будем.

1. Два предложения, связанные в одно сложное и исключаящие друг друга по смыслу, образуют предложение альтернативного вопроса. Как и в текстах периода Сун-Юань, в "Жулинь вайши" в альтернативном вопросе конечные модальные частицы как правило не употребляются (один раз случайно встретился пример с конечной модальной частицей 呢 ни). В современном языке такое предложение всегда оформляется конечными модальными частицами 呢 ни или 啊 а /4, 205; 5, 16/ обычно между предложениями употребляются частицы 是 ши и появившаяся в эпоху Сун-Юань 還是 хайши.

Если в текстах периода Сун-Юань, кроме соединительных слов ши